

Елена Ханина
**ПЕРЕВЁРНУТАЯ
ЖИЗНЬ**

Елена Ханина

Перевернутая жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36054543

ISBN 9785449318077

Аннотация

Елена Ханина – поэт необыкновенный. Не все её стихи могут на первый взгляд показаться простыми и понятными, но взгляните – и богатейшие сложные ассоциативные ряды уведут благодарного читателя в глубинный космос души, за рамки обыденного сознания. Её утончённое мастерство проявляется самыми неожиданными гранями, а чувства столь искренни и неподдельны, что невольно забываешь, сколько интеллектуального творческого труда затрачено на созидание и оформление этого истинно поэтического материала.

Содержание

Вместо введения	7
Мой роман с русской словесностью	7
Моя семья	10
В жизни моей не случился дом	15
Моим родным, убиенным в 1941 году	18
Стихотворения	37
Я думала, после любви ничего не бывает	37
Землетрясение	38
Любимые поэтов	39
«Я живу для вечности и, что ж?..»	40
Э. И. посвящается	41
7 человек одной семьи погибли	42
в автокатастрофе	
«Скукожился бессовестно рассвет...»	43
Триколоры удачи	45
«Загорелись строенья...»	47
Пишите мемуары	48
«– Мой народ рассматривает в лупу...»	50
Мир отвернулся от меня	52
«День встречает и пестует ночь...»	53
За нелюбовь к себе	54
Принеси мне стакан воды	56
Атлантида	57

«Не скули по эпохе...»	58
Расщепление империй	59
Покаяние	60
Графоманы	61
Я по тебе скучаю	63
Прощание	64
Что в сухом остатке	65
Последний стон о любви	66
Коршуны	67
«Что сложилось в строки...»	68
Я заходил в чужие храмы	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Перевернутая жизнь

Елена Ханина

Иллюстратор Александр Хан

© Елена Ханина, 2018

© Александр Хан, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-1807-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выражаю громадную благодарность за многолетнюю духовную поддержку моего творчества замечательному человеку **Терентию Травнику** – российскому поэту, публицисту и философу, члену Союза писателей России.

Посвящается моим дорогим друзьям

Элите Иоффе,

Доре Мониной,

Тамаре и Саше Хан,

Брониславе Гедулиной.

Елена Ханина – поэт с превосходным слухом. Многие стихи её – музыкальны. Растволковать музыку –

дело безнадежное. Между тем, книга нелегкая. Но тот, для которого стихи существуют, прочтёт её два, три раза и увидит в стихах гораздо больше, чем видел до этого. В сущности, они на это и рассчитаны: каждый получает от поэзии то, что он способен от неё взять. Всякий образ, рисуемый Е. Ханиной, воспринимается эмоционально, и всякая эмоция, всякая мысль у неё находит в себе телесное воплощение., единственно адекватное и необходимое.

Елена Ханина по-хорошему образована, у неё богатый жизненный и душевный опыт. К стихам она идёт всю жизнь и понимает, что никогда не исчерпать их содержания, как говорил один из знатоков поэзии «бездна пространства останется бездной».

Уверен, эти стихи не останутся незамеченными.

Леонид Финкель, председатель Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ).

Вместо введения

Мой роман с русской словесностью

Мой роман с литературой начался с раннего детства и весьма трагично. Стихи писала уже в шесть лет и очень явно помню черный бархатный блокнот с тисненными золотом буквами, подаренный мне на мой седьмой день рождения. Стихи записывались чернилами, красивым детским почерком, чернила были фиолетовые иногда в альбоме оказывались громадные паукообразные кляксы.

Учительница русского языка Таисия Павловна, грузная, одетая в кримпленовое платье, почему-то ярко-желтого цвета, пожилая дама, с двойным подбородком, расхаживала между партами с громадной тростью и объявляла тему очередного сочинения – «кем я хочу быть». Она заверила что наши сочинения будут прочитаны совершенно анонимно и никто не будет знать сокровенные желания одноклассника. Я поверила...

Через несколько дней мое сочинение было зачитано перед всем классом и в нем прозвучало признание о моем желании стать поэтом. Тот ужас от невероятного вероломства и предательства учительницы поразил мою детскую душу наповал, я выскочила из класса и единственное желание, кото-

рое было у меня – УМЕРЕТЬ. Как уйти из этого мира, когда тебе 10 лет и нет возможности заглянуть в интернет, чтобы получить инструкцию по осуществлению задуманного? Но в голову лезла вся почерпнутая из литературы информация, из прочитанного мною романа я узнала трагическую историю любви, где главная героиня уходит из жизни, отравившись серой. Я решила, что для этих целей можно использовать спички и съев достаточное количество серы, полученной из спичек, я смогу уйти из этого коварного мира, в котором мне было суждено ощутить позор, который не в силах была пережить.

Поедание головок спичек и мое странное поведение было замечено матерью, и мне было проведено промывание желудка. Таким образом уход из жизни в 10 лет с треском провалился. Мне было суждено не раз испытывать черные дни, но уже никогда с тех пор не было той остроты предательства и безысходности, которую я испытала тогда.

Желание писать стихи, как ни странно, не прошло, и писать я продолжала. В седьмом классе уже другая учительница литературы, Рива, толстая близорукая дама, дала нам тему для очередного сочинения по произведению Пушкина. Сочинение я написала в стихах и была собой горда. Но наказание за свой неумный «транш» сочинительства не заставило себя долго ждать. Получив назавтра тетрадку с сочинением, я нашла там жирную извивающуюся двойку. Обнаглев, я все-таки вознамерилась получить от учительницы разъясне-

ния. Ответ был прост до боли – «ты списала все у известного поэта!» Но у какого поэта я списала свои стихи, учительница затруднилась ответить. «Сама ты так написать не могла!»

Через много лет, проходя практику по кожным болезням в кожном отделении городской больницы, будучи студенткой медицинского вуза, я встретила Риву, всю распухшую, страдающую тяжелым псориазом. Помню, что мне было ее очень жалко.

Во взрослой жизни я попыталась найти хоть какое-то поэтическое сообщество, в котором смогла бы почитать свои стихи. Я нашла при рижской молодежной газете поэтическую студию. Приход туда развеял все надежды, которые теплились во мне – найти единомышленников. Стихи, которые читали там другие, мне не понравились, да и к моим стихам там отнеслись довольно прохладно. Руководитель литературного кружка показался мне человеком недалеким, а двум студийцам я без труда поставила диагноз шизофрении, благо, тогда медицинский институт уже был закончен.

Мои отношения с редакторами были не менее трагичными – первый редактор, вернее – редакторша молодежной газеты, с радостью отобрала мои стихи для печати, но потом они у нее почему-то потерялись. Таким образом, на многие годы я была обречена писать только для единственного слушателя – для себя.

Моя семья

Нечто символическое вижу я в дате рождения моего отца и дате моего рождения.

В истории семьи моего отца отражается целая эпоха жизни евреев, которые пришли в этот мир в начале прошлого века, и суждено им было родиться в стране, которая исчезла в конце 20-го века, и в среде, которая исчезла намного раньше – в первой трети 20-го века в связи с ассимиляцией, а в сороковые годы того же богатого событиями 20-го века остатки уцепившихся за свои еврейские местечки евреев нашли смерть от пули работников зондеркоманд в вырытых ими же братских могилах.

Мой отец родился в ноябре 1917 года, когда смерч революции прокатился по России и могилёвские евреи ощутили себя свободными людьми, навсегда порвавшими с чертой оседлости. Моему отцу довелось дожить до крушения империи, и прах его покоится ныне на кладбище города Беэр-Шеве. Что вместилось в эти 74 года, которые прошли со дня его рождения до смерти?

Я попытаюсь посмотреть на жизнь моего отца и его семьи глазами еврейки, которая пришла в этот мир в тот же год и тот же месяц, когда было провозглашено рождение государства Израиль, и с 1989 года живёт в Израиле.

Мой отец родился в Могилёве вторым ребёнком из четы-

рѐх от матери Ханиной—Фраерман Белы Исаевны и отца Ханина Ильи Самойловича. Мать домохозяйка, отец фотограф.

Ни один из братьев и сестѐр моего отца не пережил войну. Моя бабушка и двое её дочерей убиты в октябре 1941 года неподалѐку от городка Чаусы, а брат Самуил, гвардии рядовой, в 19 лет погиб в 1942 году под Сталинградом. Отец уехал из семьи в возрасте 14 лет учиться в Ленинград, где давно обосновались две тѐтки отца по материнской линии. Одна из них была замужем за ведущим инженером Кировского завода. Отец заканчивал рабочий факультет, потом работал слесарем: общежитие, скудное существование и, наконец, поступление в Кировскую Военно-морскую медицинскую академию. Война, эвакуация академии из Ленинграда в Киров, прощание с родными, которые оставались в блокадном Ленинграде, переход по льду Ладожского озера, окончание академии, война, служба на бронекатерах, Победа, два года в оккупационных войсках в Австрии и, наконец, возвращение на родину – с бригадой бронекатеров в Пинск. Встреча в 1946 году с моей матерью в Пинске. (Молодая врач приехала по распределению после окончания Московского медицинского института). Получение назначения на Дальний Восток, рождение единственной дочери – то есть меня. В 1952 году назначение в ординатуру, получение специальности гастроэнтеролога, 1953 год на факультете, дело врачей. Аресты профессоров, митинги, выступления товарищей вдруг обрушивших негодование на арестованных коллег и учителей. Под-

держка друзей – неевреев. Вера в партию. Получение назначения в Ригу. (Латвия отошла Советскому Союзу по пакту Молотова-Риббентропа ещё в 1939 году, но во время войны вновь под Германией). С 1956 года постоянно в Риге, сначала в госпитале – зав. отделения гастроэнтерологии, потом увольнение из армии в чине полковника, работа в больнице 4-го управления, обслуживающего партийных боссов, старых большевиков. Переезд в Израиль в 1990 году и смерть в 1991-м.

Мой отец был коммунист, вступил в партию во время войны. Я в последнее время много думаю, что совсем мало знала своего отца. Мои политические разногласия с отцом начались довольно рано, думаю, что в конце школы; и, как ни странно, краеугольным камнем наших разногласий стала диктатура пролетариата. Я совершенно не принимала диктатуру, и диктатура пролетариата была мне глубоко противна. Отец не любил вступать в глубокие идеологические споры, но разоблачения культа личности Сталина принял с радостью, хотя репрессированных среди его родных не было.

Мой отец почти ничего не рассказывал про свою семью. Я знала что после гибели семьи он побывал в Чаусах лишь незадолго до смерти, незадолго до переезда в Израиль. Его отец – Ханин Илья Самойлович, был мобилизован, не находился в Чаусах в момент гибели семьи, после войны жил одно время на Украине, потом переехал в Ригу. Мой отец по-

могал ему.

Полное отсутствие близких родственников... Самыми близкими родственниками для меня являются дети сестёр и братьев маминой бабушки. Это украинская ветвь моих родных, хотя никто из них давно не живёт в Украине, а рассыпалась по белу свету. Но сейчас мне хотелось бы поговорить о родных моего отца, о которых я знаю. А знаю я о двух тётках, которые жили в Ленинграде. У одной из них был сын Володя, который родил единственного сына Сашу.

Володя очень дружил с моим отцом. Я хорошо помню громадный шрам, который, казалось, разделял череп и лицо Володи на две неравные половины. Происхождение этого шрама, который он получил в 11-летнем возрасте, было нам известно. Он со своей матерью оставался в Ленинграде во время блокады и жил в коммунальной квартире. Однажды его мать Фрида вернулась с работы и увидела, что сосед ударил её сына по черепу молотком, чтобы убить и съесть, но не успел довести своё дело до конца, хотя Володя истекал кровью. Фрида спасла своего сына, ему удалось прожить до старости и сделать много добра людям – он ухаживал за своей парализованной матерью, ухаживал за своим больным отцом, скрывая это от матери (мать с отцом были разведены много лет), ухаживал за старой, больной, одинокой вдовой своего отца.

У отца был знаменитый дядя Рува – Рувим Исаевич Фраерман, книгами которого зачитывались, и по сценарию его

повести «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» снят один из лучших фильмов о первой любви. Рува дружил с Паустовским, Гайдаром, но о своей семье оставил очень мало воспоминаний. У него была дочь Нора, которая умерла в Израиле.

Разорванность, отступление от еврейских корней, потеря связи с местом своего рождения – как это характерно для прошлого и для нашего века. Ощущение непринадлежности ни к стране, в которой прожил большую часть своей жизни, ни к месту, где покоятся в братских могилах предки, ни к этому чужому дому, в котором жил в коммунальной квартире.

В жизни моей не случился дом

В жизни моей не случился дом,
Крыша кирпичная, белые ставни.
А впрочем, я плачу совсем не о том,
А может быть, именно плачу о том,
О детстве моем стародавнем.

В жизни моей не случился дом,
В детстве и юности не было дома.
И даже в зрелые годы, потом,
Ни яхты не было, ни парома.

Ни братьев не было, ни сестёр,
И даже двоюродных не было тоже.
Ни шумных застолий семейных, ни ссор.
А впрочем, всё это, наверное, вздор,
Который режет ножом по коже.

В жизни моей не случился дом,
Только квартиры, и много соседей.
Пили коньяк и кубинский ром,
И песни пели про глупого Фредди.

В маленькой тесной квартирке моей
Вечно толпились чужие люди.
Тосты, заветное слово «налей»,

Полчища самых безумных идей.
Гонимых жалели, ругали судьей.

В жизни моей не случился дом.
И все же грущу я о нем, не бывшем.
Начальство его не послало на слом,
И на войне он не стал пепелищем.

Так что же плачу который год,
О доме, который не существует?
И вместе со мною грустит небосвод,
И музыкант из минорных нот
Чудную музыку нарисует.

Как-то, гуляя по парижскому кладбищу, я позавидовала людям у которых 200 лет родные находят свой покой в семейном склепе. У моих родных могилы разбросаны по разным странам, а по большому счёту – и нету у них никаких могил. Попытку найти могилу моей бабушки Белы и её дочерей я предприняла в 70-е годы. Мы поехали в Чаусы, маленький городок под Могилевом. Белоруссия...

Шёл мелкий дождь, я слонялась по местному кладбищу, пытаюсь найти хоть какой-то след погребения близких, но мои попытки были безуспешны. Навстречу шла старая, грузная женщина, она тяжело дышала и опиралась на палку. Я подошла к ней и спросила, не жила ли она здесь во время войны. Как оказалась жила, более того, её дочь училась

в одном классе с моим дядей Самуилом, который погиб под Сталинградом. Она видела как увозили евреев, в том числе мою бабушку и её дочерей, на смерть...

Памятник убиенным евреям был поставлен вне кладбища. Она показала где. Тропинка к памятнику заросла и надо было продирается по мокрой траве, которая была выше колена. Я поняла, что к памятнику давно никто не подходил. Да и кому же подходить к этой символической могиле 1200 евреев. Евреи давно покинули эти места, и не было принято в те годы вспоминать о своих корнях, да и зачем?

Потомки убиенных были заняты строительством новой жизни, построением коммунизма, который должен был состояться в 1980 году, но почему-то не пришёл; наверное, потому что строительство нового человека, достойного жить при коммунизме, не произошло. Человек остался таким же, как был тысячелетия назад, ну, может быть, немного похуже.

Нашла дом своего деда, довольно приличный двухэтажный дом, в котором разместились кулинария. У меня нет ни одной фотографии моей бабушки...

Через много лет родилось стихотворение, посвященное моим убиенным родным.

Моим родным, убиенным в 1941 году

На стене в рамках фотографии.
Тридцатые годы.
Местечко тихое, Белоруссия.
Уютный домик у Сары и Рафы.
Одеты по моде
Дети, у главы семейства усики.

Из вещей ничего не осталось.
Тех фотографий нет.
Пришли и все выбросили чужаки.
Вместо Сары красуется Гала.
По прошествии лет
Серебро поменяли на куль муки.

Обитателям дома повезло.
Расстреляны во рву.
Не испытали скученности гетто.
Мгновенная смерть – не большое зло.
Превратились в траву.
И дети бегают по траве летом.

Тех самых молчаливых соседей,
Что живут в их доме,
Не зажигая свечей по субботам,
Дочка станет настоящей леди.

Живёт в Оклахоме
И на рояле играет по нотам.

Семьдесят, но вспоминает рояль,
Он стоял в гостиной.
И что-то было предательски странным.
Мамаша чужую мерила шаль
Из парчи старинной.
Книжный шкаф полон французских романов.

Отец в расстегнутой телогрейке
И мама с мороза.
Вся покраснелась, беременна братиком.
В клетке тихо поют канарейки.
Чужая мимоза.
Немецкая речь, автомат, свастика.

Восторги, из нищенской хибары
Ушли в дом прекрасный
Где много детских игрушек, одежды.
Разбил свадебные снимки Сары
Фрол – деверь мордастый.
Он коммунистами будет повешен.

Отец был не глуп, бежал с немцами.
Попал в Америку.
Сохранил семью, и дети все живы.
Выучил немного коммерцию.
Очень любил уху.

В саду посадил берёзы и иву.

Странно, теперь нарядная Сара
И гордый мужчина —
Лишь в памяти старой американки.
Непристойно красивая пара,
Улыбка раввина...
Где покоятся ваши останки?

Памятник своим убиенным родным я поставила на Беэршевском кладбище. Теперь и у них есть свой, личный памятник, где указаны их имена. Да будет благословенна их память...

Елена Ханина

Поэты ходят пятками по лезвию ножа
и режут в кровь свои босые души.
Владимир Высоцкий

О том, что она родилась поэтом, Елена Ханина знала с детства. Не секрет, что в детстве каждый из нас пребывает в особом душевном состоянии – поэтическом восприятии жизни. Первые шаги по пути поэзии хорошо описаны автором в рассказе-воспоминании «Мой роман с литературой», где во множестве автобиографических подробностей отражены

и первые уроки разочарования в столкновении с непониманием и недоверием сначала учителей русского языка и литературы в школе, а дальше, уже во взрослой жизни, и уроки неискренности первых литературных редакторов. По словам поэтессы, это был «не взаимный роман с русской словесностью», и все же, вопреки «страшной боли» от множества «непереносимых» обманов, Елена упорно продолжает следовать по пути своего предназначения. Гораздо позже, уже имея несколько изданных авторских книг стихов, Елена поделится со своим читателем отзвуками этой детской боли в стихотворении «Мое представление о жизни в 10 лет – хочу стать поэтом». Вызывает интерес работа «Это было давненько», где в форме аллегории через «чуть заметную дверь» в Домском соборе, в которую «бездумно вошла» поэтесса, когда была маленькой девочкой, она неожиданно оказалась на доселе неведомом для нее пути поэзии. Следуя дальше по этому пути, поэтический талант Елены Ханиной с годами всё возрастал, набирал силу, радуя ценителей поэтического слова своей неподражаемостью и оригинальностью, даря на мгновение читательскому сердцу передышку в бесконечной суете.

Мое знакомство с поэзией Елены Ханиной началось с книг стихов «По кривым переулкам судьбы» и «Избранное». С обложки на меня смотрит красивая, залитая солнечными лучами, счастливо улыбающаяся, обаятельная женщина. Вся атмосфера, окружающая поэтессу, пронизана радо-

стью её смеющихся глаз, теплом и умиротворением летнего дня, что настраивает на внутреннюю безмятежность. Это состояние длится ровно до того момента, пока я не прочитала строки первого открывшегося мне стихотворения из книги:

Море слов не спасёт,
Море слёз не спасёт,
И куда-то лавина упрямо несёт.

Раздвигают миры,
Раздувают моря,
Я живу, словно настезь глаза отворя.

Ожиданье чудес,
Откровенье небес,
И отказ подчиниться судьбе наотрез...

Мощь и сила этих строк буквально перевернули в душе все мои состояния безмятежности, и открыли мне Елену Ханину, ту Ханину, которая смотрит на мир и на жизнь под совершенно неожиданным, собственным углом зрения поэта. Этот контраст внешнего восприятия и внутреннего содержания книги – ошеломил. Особый авторский почерк, ритмический рисунок стиха с оригинальным строем художественных средств и приёмов, явили ярко выраженную поэтическую индивидуальность автора.

В литературном творчестве Елены Ханиной поэзия и про-

за тесно переплетены между собой. Автобиографические рассказы, преломленные через призму сознания автора, притягивают, прежде всего, своей правдивостью и мельчайшими подробностями тех важных моментов жизни – «кривых переулков судьбы», которые оставили свой неизгладимый след в сердце Елены навсегда. Каждый такой рассказ – это срез своего времени, жизненного пути и своего рода, и своего поколения. Одним из примеров такого переплетения прозы и поэзии служит повествование «С памятью на Вы», об истории семьи отца поэтессы, отраженной затем в пронзительном стихотворении «В жизни моей не случился дом...» и истории поиска могил своих родных, которые разбросаны по разным странам. «А по большому счёту – и нету у них никаких могил», – с горечью признается поэтесса. Попытки отыскать эти могилы, предпринятые Еленой в семидесятые годы XX столетия, спустя многие годы, воплотились в стихотворение-посвящение «Моим родным, убиенным в 1941 году» и других произведениях автора: «Посвящается невинно убиенным», «Мне не выйти за рамки», «Не придет, даже позже, понимание сути».

Свойственная автору откровенность жизненных фактов, уходящая своими корнями в непридуманную действительность и эмоционально-образное их изложение, гармонично взаимно дополняют друг друга, делая прозу и поэзию Елены Ханиной живой, подталкивая своего читателя к непростым размышлениям о судьбах людских. В работе «Мой на-

род» поэтесса рассказывает о своем народе, который «разбросан по планете, места нет, где нет его следов», продолжая эту тему в другой работе «Нам придется платить по счетам». Сквозь строки из стихотворения «Бар-мицва в Стамбуле» сочится неутраченная боль поэтессы за геноцид еврейского народа:

Двадцать первый век не сменил изгоев,
Остались костью в горле землян,
если не всех, то очень многих.

Тема терактов, военных действий и гибели мирного населения и отношение поэтессы к войне выражено в таких поэтических строках: «К этой боли нельзя прикоснуться. Сумрак входит в кричащие души...» из стиха «Жертве очередного теракта посвящается»; неутраченная боль продолжает звучать в работах «Война», «Кто?», «Докричатся...», «Уход из поселений сектора Газа, 20.08.05», «Демократия», «Не приходится выбирать», «Бомба 6.08.2006» и других.

Поэзия Елены Ханиной призвана не к тому, чтобы развлекать своего читателя, а наоборот, призывает к более осознанному восприятию событий окружающего мира, имеет ярко выраженную социальную направленность. Каждое последующее стихотворение со своим неординарным сюжетом и темой, волнующей автора, начинает волновать и читателя, действуя, на него, как жесткая перезагрузка, меняющая его изнутри после прочтения стиха, помогая расставить глав-

ные жизненные приоритеты, отчего чувствуешь, что становишься другим, начинаешь ощущать, что и тебя как будто «куда-то лавина упрямо несёт» и хочется «жить словно настежь глаза отворя» и чувствуешь, что твой «отказ подчиниться судьбе наотрез» оправдан и у тебя есть на это силы. При этом открывается бездна доселе неведомых жизненных смыслов. Стихотворные строки-штрихи, как карандашные наброски, создают яркий и рельефный автопортрет поэтессы, и все отчетливее сквозь штриховку проступает её внутренний мир – стремления, чувства, размышления, стойкость и сила зрелой личности – самостоятельность и независимость, отраженные в произведениях: «В чужой душе ищу крупицу света», «Звук-изгой», «Ты подожди меня, бессмертие», «Если даже прижизненной славы...», «Немного музыки, немного...», «Ответ оппонентам» и другие.

Внутреннее богатство души Елены и живое восприятие действительности позволяет ей импровизировать на любые темы внутренней и внешней жизни, как своей, так и чужой. Палитра тем, которые затрагиваются в стихах, многообразна и разнопланова, имеет широкий диапазон – от потаённых переживаний и различных состояний души до внешних событий и наблюдений, которые произвели на нее впечатление. Именно поэтому поэзия Елены Ханиной, кроме того, что она биографична, она еще и остро-социальна – поэтесса смело обнажает и выносит на всеобщее обозрение неприглядную правду жизни современного мира «века нано, теле-

фонов и тротила»:

Манишки, жемчуга и лососина,
Неряхи, грязь и запах керосина.
Все в этом мире, как в гремучей смеси...

Где, увы, привычно «надменность и пошлость раскрывают объятия лжи», отраженные в стихотворениях «День разбух от событий», «Век двадцать первый», «Толпа», «В каждом веке свои пророки», «Очередной взрыв. 09.10.2004» и другие. Форма подачи жизненного материала и самобытная ткань стиха настолько оригинальны, что не могут оставить равнодушным ни одно читательское сердце. Поэзия Елены Ханиной, без прикрас и ретуши, вскрывает гнойники и нарывы современного общества, в котором намечаются заметные тенденции изменения человеческой природы. Понимание того, что «дух разрушений, груб и неистов, вихрем врывается» в нашу жизнь, позволяет в дальнейшем не допустить, чтобы «люди сменили лица на рыла», осознавая, что такое падение нравственности может привести к катастрофе все общество. Начальные строки из стихотворения «Из воспоминаний киллера» ужасают степенью цинизма человека, избравшего себе такую профессию:

Какая невидаль – убийство!
Профессия других не хуже.
Уметь контрольный сделать выстрел

И вовремя прийти на ужин...

Поэтическое творчество Елены обращает на себя внимание индивидуальным мировосприятием, нестандартностью выражения своих чувств, мыслей, оказывая тем самым сильное впечатление на душу читателя. Одним из свойств поэзии Елены Ханиной является протестность; своим поэтическим словом она умело выражает протест против равнодушия и беззакония, укоренившихся в жизни общества. Для этого нужно обладать мужеством души. Автор не боится бросить вызов общественному мнению своим творчеством; например, в работе «Попугай» она смело вопрошает многократно повторяющимся рефреном «да кто вы такие?» всех тех, кто «наделен невидимой властью» и «создателей мифов, способных жизнь разрушить невинных». В другом произведении «Сидела белая ворона...» метафорически отражена нелицеприятная черта современного общества – агрессивность и нетерпимость к мирному собрату, которого только по причине его внешней инаковости «приговорили к убийству»:

Сидела белая ворона
У многих черных на виду.
Она не делала урона,
Ну, просто белая ворона...

Интересно то, что чем больше погружаешься в чтение

стихотворений Елены Ханиной, тем сильнее они затягивают в необычный мир, созданный поэтическим словом поэтессы. Приходит понимание той миссии и того непосильного креста, который несет поэтесса по жизни, воистину ступая «пятками по лезвию ножа», а её душа, «изрезанная в кровь», рождает вновь и вновь «стихи, подшитые слезой», способные очищать и трансформировать души людей на более высокий уровень сознания. Истина, что жизненный крест не по силам не дается, и давая крест, Бог дает и силы для его несения, подтверждается обилием стихотворных плодов Елены, несущей осмысление жизни каждому своему читателю. Дерево узнается по плодам. Контрастность поэтического творчества Елены Ханиной отображает суть характера автора – стихи и по-мужски сильные, логичные, прямолинейные, я бы сказала, сильно концентрированные, и в то же время они по-женски эмоциональны, чувственны и сентиментальны, в «них немерено открытий, слов любви». Особенно ярко внутренняя суть и естество поэтессы проявляется в стихотворении «У королевы сайта взгляд с грустинкой...». В первой части стихотворения по-женски, хрупкая, нежная и беззащитная королева, как воплощение женственности самой поэтессы, находит защиту себе и своим «очень, очень нежным стихам» в молитвенном призыве:

Господь, ты королеву сбереги.

Ты сбереги её от глаз недобрых,

От лъстивых фраз про гениальность слов.
дай спрятать душу под щитом сарказма.

Укусы славы, как укусы кобры.

**И если голос твой не в унисон,
Будь до конца собою в каждой фразе.**

Эта часть стихотворения – основная. Последние две строки, выделенные мною жирным шрифтом, являются ключевыми, в которых сокрыто зерно, жизненное кредо поэтессы и ключ к пониманию всего ее поэтического творчества. Эта фраза, сильная по своему эмоциональному накалу, буквально взрывает изнутри и показывает твердость натуры и внутреннего стержня, который присущ сильным людям с волевым характером! Такие ярко выраженные черты поэтессы, как твердость и мягкость, мужественность и женственность, гармонично соединенные Божьим замыслом в личности Елены Ханиной, делают ее поэзию узнаваемой и запоминающейся своей харизматичностью.

Да, в жизни важно быть до конца собою не только в каждой фразе, а и в деле, и в поступках. Эту истину Елена Ханина усвоила с детства. Бывает, что под грузом определенных жизненных обстоятельств, мы ломаемся, вынужденно уступаем, идём на поводу у кого-то или чего-то, «прогибаемся». Главное же во всем этом – не потерять себя, остаться самим собою, сохранить своё человеческое достоинство. И даже когда в определенных жизненных ситуациях «качнется маятник удачи в другую сторону», поэтесса с присущей ей силой

способна вновь возрождаться из пепла.

Елена Ханина родилась в семье врачей в Комсомольске-на-Амуре в 1948 году. Отец – Ханин Вульф Ильич, ныне покойный, военный врач, воевал, закончил войну в Берлине. Его мать и сестры были убиты немцами в Белоруссии, а брат погиб в бою за Сталинград. Вся сознательная жизнь поэтессы связана городом Рига, куда отца Елены перевели на работу. Там она закончила школу и медицинский институт. Не секрет, что у каждого поколения свой язык, свой взгляд на мир, своя историческая судьба, которую Елена Ханина облакает в приемлемую для своего поколения поэтическую форму. Стихотворение «Мне уже не сумею примириться...» красноречиво характеризует пройденный путь своего поколения в советское время – его взлёты и падения, надежды и разочарования: «пережили упадок и тление», всей своей жизнью отвергая и не соглашаясь с навешанными ярлыками «потерянное поколение» и «дети застоя».

Первые послевоенные годы поколения Елены Ханиной – годы восстановления и преодоления разрухи после окончания Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., наложили, вкуче с семейными традициями и жизненным укладом, свой отпечаток на образ мыслей, обостренное восприятие жизни и становление внутреннего мира поэтессы. От жизни на пределе человеческих сил и возможностей «поствоенное поколение спасал сарказм». Наиболее полно и точно поэтесса отражает формирование у себя и своего поколения того

особого восприятия мира и жизни в стихотворении «Хлестала жизнь кнутом по спинам».

На долю поколения Елены, сорокалетних, вступивших в пору зрелости, досталось быть свидетелем распада Советского Союза – когда, как по мановению волшебной палочки, братские республики «разделились разом» и вмиг исчезло понятие советского народа: «проснулись – нет советского народа». Канула в лету целая эпоха, вместившая в себя и восторги о жизни в стране, «где так вольно дышит человек», и страшные годы репрессий, когда в «исправительных» лагерях уничтожались и коверкались судьбы лучших представителей военных, ученых, священнослужителей, интеллигенции и культуры, где было к каждому «Клеймо приклеено: враги! И только ночь до полигона. Команда: „Пли! Стреляй по гаду!“»... Страшна и атмосфера того времени, и бежит «холодок по коже» от привалившего вдруг «счастья»:

А счастье в чем, а счастье где?
Забрали поутру соседа,
И комната его пуста,
Кастрюля супа на плите.
Но грозен окрик людоеда:
«На все ль готов? Не слышу!» – «Да!»

Эти строки, от которых содрогается душа, из стихотворения «Страх. Как жили в двадцатые и тридцатые годы в России» – дань памяти и своим дедам, и прадедам, и всем по-

колениям людей, «на своей шкуре» испытавших все те нечеловеческие условия жизни того времени. Болезненная тема продолжает свое звучание в стихотворении «Посвящается режиссеру Аскольдову, создателю замечательного фильма „Комиссар“». Тема страны, в которой прошло детство, юность и начала зрелости звучит в стихах «Что ты помнишь из детства?» (после просмотра телевизионной передачи «Жди меня»), «Проснулись – нет советского народа», «Советским поэтам посвящается», «Воспоминания о студенческих годах», «Над российской кручиной» и других.

С 1989 года Елена Ханина живет и работает в Израиле по специальности врач-эндокринолог. Кандидат наук, имеет врачебную практику, успешно продолжает заниматься творчеством, выпускает новые книги стихов, является членом Союза писателей Израиля. Внешняя жизнь удалась. Все хорошо!

Мы собирали чемоданы,
Мы уезжали навсегда.
Нас поманил маяк удачи,
И грузный, старый передатчик
Вещал, что можно жить иначе —
Америка, другие страны...
И мы ударились в бега.

Так пишет Елена в стихотворении «Где родина и где чужбина». А что же душа? В тот момент, когда казалось, что «все

проблемы улажены» и даже удалось «блюдо счастья попробовать», оказалось – «несъедобно оно», – делится своим открытием в работе «Замурованы заживо...». Стихотворение «Две правды» отражает душевные переживания и неожиданное «открытие, поразившее своей простотой»; думаю, что это открытие, выражает состояние не только поэтессы, а и многих других соотечественников, оказавшихся волею судьбы на чужбине:

Душевный покой
Растворился, как сахар в чае.
Годами возводимое здание – рухнуло мгновенно.
Вернуться домой?
Но там каждая вещь огорчает.
А поиски истины обернулись поиском пены.

Своими размышлениями о жизни за границей и моментами прозрения Елена делится со своим читателем в поэтических работах, посвященных этой теме, где названия этих работ говорят сами за себя: «Из одной несвободы в другую», «Где родина и где чужбина», «Не распаковывая вещи, живу который год», «Зона», «Мы ударяемся в бега» и другие.

Много работ Елена посвятила животрепещущей для нее теме – поэзии. В этих работах автор раскрывает свое понимание и отношение к поэзии, к самому процессу стихосложения. «Поэт – совсем особенная птица, Ей человеком суждено родиться», – уточняет в стихотворении «У птицы два кры-

ла». Поражает степень открытости и доверия к своему читателю, выраженная в таких произведениях: «Стихи», «Отравившись коварными рифмами», «Праздник поэзии», «Мой процесс словотворчества», «Строки» и других. Переживая разные душевные состояния творческого процесса, поэтесса доносит до своего читателя, что значит для неё быть поэтом, показывает, что в момент творчества она не принадлежит сама себе, а является проводником творческого импульса. Поэтому, зная истинную тяжесть поэтического венца, Елену Ханину – зрелого, состоявшегося мастера, не может не волновать состояние дел в современной поэзии. «Двадцатый век, поэтами беременный, Разбух от их расхристанных стихов», – замечает автор в стихотворении «Поэты двадцатого века. На концерте Аллы Демидовой. 10.2005». У поэтессы много работ на эту тему, в которых отражены не только ее отношение к поэтическому жанру, современным поэтам и поэтическим сайтам, но и обозначен круг проблем в этой области. Тот факт, что многие из современных поэтов до конца не осознают, что такое быть поэтом, не обладают огромным талантом и пишут непрофессионально, невозможно не признать. Ироничное отношение к графоманам выражено в стихотворении «Поэзия 21 века», где автор ужасается тому, что от миллионов произведений этой пишущей братии интернет буквально разбух:

Идут полками, раздвигая сумрак,

Проходят через каменные стены,
Вливаются в разбухший интернет.
А пишут что-то в кружевах, заумно,
И на волне словесной серой пены
Пытаются прорваться в высший свет...

Поэтесса называет конечную цель этих «полков», состоящих из горе-поэтов – не «чувства добрые лирой пробуждать», а «прорваться в высший свет», наивно вообразив, что попадание в «поэтическую богему» автоматически обеспечит им безбедное существование в постоянном «блистании» на литературных тусовках и сытых фуршетах. Продолжая тему графомании в поэзии, обращает на себя внимание стихотворение «У пьедестала толчея и давка...», где поэтесса печально замечает:

Рябит в глазах от множества поэтов.
Их вирши не вмещают альманахи,
и на Пегасе нет свободных мест...

Разнообразные размышления о состоянии современной поэзии, волнующие Елену Ханину, отражены в таких произведениях, как «Поэзия не сладенький пирог», «Литературная тусовка», «Литературные штампы», «Поэтический сайт», «Русская словесность», «Богема» и других.

Подводя итог этому небольшому и далеко не полному психологическому исследованию, понимаешь масштаб

и глубину поэтического таланта Елены Ханиной. Творчество поэтессы – явление удивительное в мире поэзии и представляет громадный интерес и не только исследовательский. Каждое её произведение – это уникальный сплав мыслей и чувств поэтессы. В поэзии, как в зеркале отражается и сложность человеческой личности автора, и её многогранность, и её изменчивость, и одновременно её целостность. Слова французского писателя Андре Моруа (1885—1967) о том, что «личность и судьба человека (и судьба человечества) формируются в соответствии с его творческой волей, в соответствии с его состоянием духа» – прямо характеризуют личность Елены Ханиной и отражают суть её поэзии, которой доступны и «пропасти и высоты Духа». Стихи Елены Ханиной глубоко психологичны и глубоко духовны, ибо Дух творит себе формы.

Ирина Михайловна Соловьёва, публицист, психолог, Член Союза Писателей России. Из книги «Приграничная полоса времени» (Избранное из цикла «Мои современники». Белый ветер, Москва, 2017. Стр 194—208).

Стихотворения

Я думала, после любви ничего не бывает

Я думала, после любви ничего не бывает.
И только пустыня – сожжённая, черная, злая,
И мысли-уродцы по памяти бродят во сне.
Я думала так, только видит мой Бог, ошибалась.
Мне дали в награду две полные пригоршни дней.
Улыбки, витрины, снующие в вечность вокзалы.
Ещё водопады, и множество разных зверей.
Прочитана книга, уже подхожу к эпилогу.
Последние строчки плясали чечётку в саду
И после любви всего оказалось так много!
Слоны, обезьяны, кузнечик, орёл, какаду.
Бессонница спорит, зачем без любви продолжаешь
Ты громко смеяться и песни весёлые петь.
Но жизнь не кончается, жизнь оказалась большая.
И кольца на пальцах и в голосе радости медь!

Землетрясение

Сколько баллов, да кажется восемь.
Нет, пожалуй не может быть.
При семи все здания сносит,
Остаётся звёздная пыль.

Сколько зданий, да кажется сотня,
Нет, пожалуй намного больше.
Мы подсчёты ведём охотно,
Подбираясь к цифрам на ощупь.

Сколько было погибших? Ой, много.
Счёт идёт на десятки тысяч.
Дождь покинул свою берлогу,
Вновь на мёртвое тело тыча.

Что лежит посреди дороги,
Нет, того что было дорогой
Память скоро покроют смоги
Наряжаясь в серую тогу.

Мы повесили белые флаги
Перед Вашим величеством громом.
Путь земной мы прошли – бедолаги,
А с земли мы ушли вместе с домом.

Любимые поэтов

Знают адрес, приходят, тревожат звонок.
– Интервью вымогают как ключик от сейфа.
Иосиф или Володя, чудных несколько строк
Посвятили той женщине, таинство шлейфом,
Чуть заметной поземкой, но тихое "НЕТ»
Множит домыслы, новые предложенья.
У красивой девчонки лишь словесный портрет,
Пожелтевшие листья в её сновиденьях.

«Я живу для вечности и, что ж?..»

Я живу для вечности и, что ж?
Вечность пробубнила – «не тревожь»!
Не мозоль глаза, не трать слезы,
Выпали семёрки, не тузы».
Я живу для вечности, но сплин
Подносил касторку вместо вин.
Вечность вдруг поморщилась – «как знать,
Может, ты с колен успеешь встать».

Э. И. посвящается

Моим подругам

Как много солнца, как много счастья,
Но раздаётся не равномерно.
Раздел случаен? Может, отчасти.
Кому небеса, кому-то стены.

Душа всё ищет свою награду,
идёт вслепую, падает в омут,
порою назад пятится крабом,
Дорогу отыскивая к дому.

Всё пробежало – хамсины, вьюги,
слёзы и радость уходят в память.
Всегда на помощь придут подруги.
Как хорошо ощущать – я с вами...

7 человек одной семьи погибли в автокатастрофе

Какие жуткие предания,
Какие страшные разборки.
Израиль и Месопотамия,
Асфальт опять от крови мокрый.

Семья, спешащая на праздник,
Ушла с земли в составе полном
И конформисты, и романтики,
Вновь память поднимает волны.

Как много значит знак божественный,
Куда зовёт, в какие кущи.
Микроскопическая трещина,
Но механизм судьбы запущен.

Секунды не имеют жалости,
Приговорённые смеются.
Каприз судьбы, иные шалости,
И нити жизни мигом рвутся.

«Скукожился бессовестно рассвет...»

Скукожился бессовестно рассвет,
Предчувствуя – закат уже проснулся.
По улицам расходится толпа.
Автомобили мчатся, парапёт
Под тяжестью веков слегка прогнулся,
Хотя и уцелел едва-едва.

Его хотели дважды подорвать.
Лет сто назад и, кажется, лет двадцать.
Из-за чего? А был он символ власти.
А чайки – их элита или знать
Звала своих сородичей на кастинг.
И пел певец красиво, звали Джастин.

Все что-то ждали. Шторма ли, дефолта?
Прихода страстной дамы в черной шляпе,
дождя ли, неожиданной жары.
Прекрасного, последнего аккорда.
Поездки в Сан-Франциско и Анапу.
Мерцало нечто серое вдали...

Нам экстрасенсы предсказали нечто,
Пробив строку копьём – папье-маше.
Закат сменил рассвет, всё повторилось.
Удача улыбнулась, словно вечность.

И прошлое в забытом багаже
Позвало в путь, как оказалось, Млечный.

Триколоры удачи

Триколоры удачи,
Победители, мачо,
Ностальгия по красным макам.
Кто хохочет, кто плачет,
Кто танцует, кто скачет.
Изменить этот мир – одним махом!

Бородинское поле,
Слава, слава героям!
Мир заоблачный нарисуем.
Незавидная доля
У евреев и гоев.
И у лошади в красной сбруе.

Ах, война мировая,
Обещание рая.
Только кровь и бездомность после.
За идеи сторяя
Обезумела стая.
В чистом поле покоятся кости...

Выбор сделан, столицы
Города – Рига, Ницца,
Львов, Донбасс или Дальний Восток.
Президенты и вице

Гордо носят в петлицах
Триколор – но и он не помог...

Разрываясь на части
И глотая напасти
Шар земной загорелся – пожар.
И оскалились пушки
От Парижа до Кушки,
И безумство в горящих глазах.

Голод или пирушки?
Надсон, Лермонтов, Пушкин...
Мы хотели вернуться назад.
У людей, у народа
Убивать – стало модой.
Обещают прекрасную жизнь.
Нас пристрелят в угоду,
Улучшая породу.
Самолеты взвиваются ввысь.

Все закончились споры.
Прикрепляй триколоры,
Всем кто в этой войне проиграл.
Кто не наш до упора —
Расстрелять, без разбора.
Хитрый жулик победу украл...

«Загорелись строенья...»

Загорелись строенья
И сгорали как спички,
На пожарище тени
Забрели по привычке.
Вспоминали, что здесь же
Раньше жили другие.
Вроде ссорились реже,
Вроде вправду любили.
Ах, когда это было!
В девятнадцатом веке.
Пепелище покрыло
Память об имяреке.

Пишите мемуары

Пишите мемуары, грянет день,
Как грянет марш приказов и указов.
И мы поверим моментально, сразу
В любую чушь, в любую дребедень.
Пишите мемуары для детей,
Для внуков и далеких поколений.
Что хитрый монстр был просто добрый гений
И думал о спасении людей.
А если что не досмотрел когда- то,
Завел страну в пучину и тупик,
Ну просто приболел, был нервный тик.
И в общем он ни в чем не виноватый.
Пишите мемуары, всё сойдет,
Не станут люди рыться в интернете.
А чистой правды нет на этом свете,
Так пусть живет в иллюзии народ.

Пришла пора, всё можно договаривать.
Нам нечего оставить на потом.
Те годы, что для жизни нам подарены
Ушли, взмахнув и помахав крылом.
Пришла пора сказать, о чем не сказано,
Не пригодятся в саване слова.
Остатки жизни, как остатки разума,
Растут они, как сорная трава.

Пришла пора сказать что снилось, думалось.
О чем хотелось просто промолчать,
Но ощущение – ты стоишь под дулами.
А выстрел грянет, и не долго ждать...

Ну что такое десять лет для вечности?
И что такое жизни десять лет.
Сказали всё – остались незамечены,
Как поменяли вдруг менталитет.

«– Мой народ рассматривает в лупу...»

– Мой народ рассматривает в лупу
Что сказал пророк, куда идти.
И жестоковыйность на поруки
Взяли мы, чтоб помогла в пути.

Господа, мы молимся в надежде
Сохранить солдат с передовой.
Наш противник тот же, что и прежде.
Бесконечен, бесконечен бой.

«Праведник» кровавого ислама,
Возжелавший гибели страны,
Празднует победу. Слишком рано!
Новый день – наш новый день войны.

Мы сегодня плачем по мальчишкам,
Чьи рисует камень имена.
ГОСПОДИ! Пускай придет затишье.
ГОСПОДИ! Спаси нас от огня.

Тех, других, они сегодня живы
И идут по вымершей земле,
Где дома лежат, покрыты пылью,

Из руин стреляют по тебе.

ГОСПОДИ! Спаси и дай нам разум

Пережить железную скалу.

Чтобы только умные приказы

На передовой, да и в тылу.

Мир отвернулся от меня

Мир отвернулся от меня
И только тени, только тени
Бродили где-то по земле.
Остыли угольки в золе,
Плоды невиданных растений.
И белый пух, и тополя.
Мир отвернулся от меня.

Грядут весёлые дела,
Гнедая лошадь морщит губы.
Жокея спесь идёт на убыль,
А где-то на краю села
Тревожный взгляд бездомной суки
Меня растрогал, а она
бежит за лошадьёю скуля
И ловит напряженно звуки.

Жокея окрики и храп.
Усталой лошади, досталось
На тренировке время сжалось,
А сука всё бежит – сатрап...

«День встречает и пестует ночь...»

День встречает и пестует ночь,
Темноту пригубив, словно виски,
И конец свой предчувствуя близкий-
раствориться средь улиц и рош

Он уже никогда не придёт,
Тот другой будет лучше, быть может,
Только память противная гложет.
Неуклюжая, как бегемот.

Втащит день в каждый год, что остался,
Разбросав погремушки минут.
День сжимает мне горло, как жгут,
Ощущая холодные пальцы.

Будет множество новеньких лиц,
Будут страхи бесплотны, как воздух,
Будет слово елейное – поздно...
И ничейный безоблачный бриз.

За нелюбовь к себе

За нелюбовь извечную к себе
Высокую цену
платить назначили.
Жизнь свою просидеть в тюрьме,
Вскрывать вены,
Другие чудачества.

За невозможность полюбить восход,
И заход солнца,
Мох, железа скрежет.
Оплакиваю свой приход,
Лекарств горсти,
улыбаюсь всё реже.

Красные сосны вместо зелёных
Пришли на площадь,
прижались друг к другу.
Время распухло от стонов,
Скорби ночной,

Нашей разлуки траурный марш
Всё ещё душу мою будоражит.
Сделай доброе дело! Уважь,
Пусть память покроется чёрной сажей.

Сажай того предпоследнего дня
Что разгромил, и разрушил, и отнял.
И до сих пор не понять мне, для
Чего стрекочут стрекозы, как сводни.

Пальмы презрительно шелестят.
Мы вместе ходили по этой дорожке.
И за любовь мою словно мстят
Все, даже старые чёрные кошки.

Принеси мне стакан воды

Принеси мне стакан воды
Только ты принеси, только ты.
Приходи в мой последний час,
Приходи, только лучше сейчас.

Говори, хоть словечко скажи.
На пари все дела отложи.
Неподъёмна моя вина —
Одного я люблю тебя.
Потому в переулке дней
Мне судьбу подменил злодей.

Атлантида

Нам готовит судьба Антлантиду
В чёрных водах рычащих тигром.
Но остались ещё денёчки.
Дружно айсберги, милые с виду,
Над землёй в облака подпрыгнув,
Превратились в белые точки.
А пророки из прошлых столетий,
Докричавшись до древних вулканов,
Сквозь звезду посылали сигналы.
А Катрин, или просто Кэти,
Нет не девушки – ураганы
Наложили на берег лекала.
Всё исчезнет, сказал учёный.
Суши станет до боли мало.
Мы готовимся к переселенью.
Показался сахаром жжёным
Итальянский берег, устало
Нам предсказывать привидение.

«Не скули по эпохе...»

Не скули по эпохе
Тебе не готовившей пули.
Всё пройдёт, ручейком незаметным впитается в землю.
Да, дела твои плохи,
Скрипели железные стулья
И врезались слова – не хочу, не могу, не приемлю!

Расщепление империй

Расщепление империй,
словно ядерный распад.
Всё, во что когда-то верили —
оказалось компромат.
Те, кто песни комсомольские
распевали у костра,
разъезжают на роллс-ройсе.
Все, кто против – стали за.
От расколотой империи
Слишком много черепков.
Смотрят птицы с недоверием,
Новый мир им не знаком.

Покаяние

Погреба, погребение,
Память словно размыло.
По кому песнопение?
Снова роют могилу.

То в лесу, то в овраге
Или в старом сарае.
Утром вывесят флаги,
Пот со лба вытирая.

Поп с лицом нестандартным
рьяно мучил кадило,
Объясняя приватно
Что-то девушке милой.

Крест нагрудный качался,
И старушка в платочке
Всё шептала: «Покайся!
Мой любимый сыночек».

Графоманы

Графоманы расселись и ели ужин.
Пили вино из бокалов красных.
Мне сказали – «поэзии ты не нужен»
И рукой помахали по-барски.

Графоманы кричали – «иди подальше,
От тебя за версту несёт невезухой.
Мы не любим тех, кто отстал на марше.
И тех, кто шепчет что-то на ухо».

Графоманы смеялись – «к чему стенанья.
Брюзжаньем введёшь себя в гроб до срока.
Смотри, судьба закрывает ставни,
И поле любви заросло осокой.

А ты всё там же бренчишь волынкой.
И строки твои из раздела прочих.
Про крестоносцев пишешь и инков,
Или ещё про непьющих рабочих.

Полно, уймись, нет журнальных ссылок,
Критики даже читать не станут».
«Знаешь, – советовал мне верзила, —
Лучше уйди в свой воздушный замок».

Кривые улочки удачи
Давно закончили свой бег.
Поз фонарём тихонько плачет
Уставший, СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Я по тебе скучаю

Я по тебе скучаю.
Трогаю день на ощупь,
Солнца не замечаю.
Лобное место – площадь.
Стёкла дрожат надрывно,
Капают годы плавно,
шумный, весёлый рынок,
кажется так недавно...
снег обжигал ладони,
смех заполнял пространство.
Эхо застыло в стене,
Мне не уйти из рабства.
Я по тебе скучаю.
Мебель покрыта пылью.
Больше не различаю
небыль с ушедшей былью.

Прощание

Свои стихи от сердца оторвав,
Я больше не могу грустить и плакать.
Ну да, конечно ты, любимый, прав
Живу, лишившись чувств. И даже страха.

Когда фонарь уже погас в руке,
Фитиль перегорел и батарейка села,
Когда мне безразличен друг и враг,
И до себя самой мне нету дела.

Зачем ещё слоняюсь среди людей,
Где погремешки слов качают воздух?
Зачем, скажи, противный знойный день
И стая мух навязчивых, навозных?

Любое дело мне не по плечу
Прощание, прощение, улыбка.
Я в смерти ораторию ищу,
А жизнь уплыла – золотая рыбка.

Что в сухом остатке

Что в сухом остатке?
Сны, сны, сны.
В них играют в прятки
Дети сатаны.
Горькие улыбки суеты,
Очертанья зыбки,
Это снова ТЫ.
Три последних снимка.
Постарел.
Лес густой, тропинка.
Луг окаменел.
Ни травы, ни солнца,
Пустота.
Только сердце бьётся,
На земле одна...

Последний стон о любви

Прогони сомненья вон,
Прогони.
Это мой последний стон
О любви.
Это мой последний всхлип
О тебе,
И сомкнётся завтра зыбь.
На земле
Не пристало оставаться
Давно,
И снимают папарацци
Кино.
Вместо правды вопросительный знак,
И взяла меня усталость
В кулак.
Прогони сомненья вон,
Прогони.
Это мой последний стон
О любви.

Коршуны

Коршун в поле спустился низко
И смотрел как выводят людей.
Тех, которых в расстрельные списки
Записали за пару дней.

Их вина – что пришлось родиться
В необъятной весёлой стране,
Где свобода не снилась и птицам,
Где на розовом скачут коне.

То ли ангелы в белой одежде,
То ли черти – наган в кобуре.
Где убийца начитан и вежлив,
Где иконы погибли в огне.

«Что сложилось в строки...»

Что сложилось в строки
Разразилось бранью.
Остальные крохи
Вспоминать не станем.
Нудные свиданья,
Поцелуи в щёчку.
Ужин в ресторане,
Был бифштекс не сочен.
И вино горчило
Горечью разлуки.
Милые мужчины
целовали руки.
Нет, имён не помню.
В памяти пустыня.
Вот листаю сонник,
Чай на кухне стынет.
Внуки проскользнули
В сон мой невесёлый.
И свечу задули
Ангелы со стоном.

Я заходил в чужие храмы

Я заходил в чужие храмы
Где тени пестуют иконы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.